

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (1870–1890-е гг.)

Аннотация. Целью статьи является анализ статистической информации о преступности в Ярославской губернии в 1870–1890-е гг. Автором особое внимание уделяется половозрастным и территориальным аспектам в контексте сравнительного анализа динамики уровня преступности. Также рассматриваются виды преступлений, мотивы их совершения, категории преступников и меры по борьбе с преступностью. Особое внимание уделяется анализу влияния различных факторов на количество и виды преступлений и изменение числа совершённых преступлений в рассматриваемый период.

В основе проведённого исследования лежит анализ статистических материалов. Автор, используя данные «Обзора Ярославской губернии [по годам]» за период с 1876 по 1895 год, вычисляет динамику преступлений и сравнивает полученные показатели с данными, имеющимися в исследовательской литературе. В работе были применены проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, синхронический методы, а также общенаучные методы – анализа, синтеза, индукции, дедукции.

Анализируя материалы и полученные данные, автор приходит к выводу, что содержащаяся в исследовательской литературе информация о непрерывно возрастающем уровне преступности в Ярославской губернии во второй половине XIX века частично опровергается статистическими данными. Анализ использованных источников позволил выявить ряд региональных особенностей преступности в рассматриваемый период: динамика не имеет резких скачков; кривая, отражающая число преступлений на протяжении 20 лет, фиксирует как взлёты, так и спады. В то же время для Ярославской губернии были характерны процессы, происходившие на общероссийском уровне. Как и в целом по империи, большинство преступных деяний было совершено мужчинами среднего возраста, русскими по национальности, что обусловлено демографическими и социальными характеристиками губернии, являющейся типичной для центра России. Лидирующим видом преступлений на протяжении всего изучаемого периода являлись кражи.

Полученные в рамках исследования результаты позволяют уточнить имеющиеся данные о преступности в Ярославской губернии второй половины XIX века, выявить основные виды, мотивы, факторы возникновения преступлений, характеристику преступников; сравнить данные с показателями по другим губерниям и общероссийскими, что способствует более глубокому анализу причин и особенностей возникновения преступности в России в пореформенный период. Материалы исследования могут быть использованы при разработке спецкурсов и спецсеминаров по историческому краеведению, истории преступности, общественной жизни российского общества, социальной истории России во второй половине XIX века.

Ключевые слова: Ярославская губерния, преступность, динамика преступности, история преступности, краеведение, виды преступлений

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Цит.: Попова А.В. Динамика и особенности преступности в Ярославской губернии во второй половине XIX в. (1870–1890-е гг.) // Вестник государственного и муниципального управления. – 2024. – Том 13. – № 1. – С. 137–152.

©Попова А.В., 2024г.

THE FEATURES OF CRIME IN YAROSLAVI PROVINCE IN THE SECOND HALF
OF THE 19TH CENTURY (1870-1890s)

Abstract. The purpose of the article is to do statistical analysis of crimes in Yaroslavl province in the 1870-1890s. The author compares the dynamics of the crime rate and pays special attention to gender, age and territorial aspects. The author also considers the types of crimes, motives for their commission, categories of criminals and measures to combat crime. The author analyzes the influence of various factors over the number and types of crimes, and examines the changes in crime rates during the period under review.

A statistical data analysis as well as problem-chronological, comparative-historical, synchronic and general scientific (analysis, synthesis, induction, deduction) methodologies are used in the study. The author examines the data from "Review of Yaroslavl Province [by year]" from 1876 to 1895, calculates the crime dynamics and compares the results with the available data from academic papers.

As a result, the author concludes that the statistical data partially refute traditional knowledge on the continuously increasing crime rate in Yaroslavl province in the second half of the 19th century. The academic paper analysis identifies some local features of crime during the period under review: the dynamics do not have sharp rise, and the crime curve reflects increasing and decreasing for 20 years. At the same time, the author notes that Yaroslavl province had the same crime processes as the whole country did. Due to demographic and social characteristics of the Central Russian typical province, the majority of offenses were committed by Russian middle-aged men as in the whole empire. Theft is the leading type of crime throughout the period under study.

The research results helps to clarify the available data on crime in Yaroslavl province in the second half of the 19th century, to identify the main types, motives, factors of crime and the characteristics of criminals, to compare the data with those of other Russian provinces. The data analysis provides a better understanding the causes and features of crime in Russia in the post-reform period. The research materials can be used in the development of special courses and special seminars on local history, the history of crime, the public life of Russian society, and the social history of Russia in the second half of the 19th century.

Keywords: Yaroslavl province, crime, crime dynamics, crime history, local history, types of crimes

Funding information: *This study was performed without external funding.*

For citations: Popova, A.V. (2024) The features of crime in Yaroslavl province in the second half of the 19th century (1870-1890s). *Journal of Public and Municipal Administration*. Volume 13, no. 1, P. 137–152.

ВВЕДЕНИЕ

Преступность как социальная аномалия является маркером любого общества. Это явление тесно связано со всеми сферами жизни: социальной, экономической, политической и т. д. Девиантное поведение всегда являлось объектом внимания для специалистов разных областей, так как отчасти отражает многие процессы, происходящие в общественной жизни и порой выступающие катализатором увеличения или снижения числа преступлений. Мотивы, виды, факторы и динамика преступности способны проиллюстрировать те обстоятельства, в которых они возникли. Это, в свою очередь, даёт возможность для анализа уровня жизни, социальных характеристик населения, политических и иных процессов, происходящих в обществе. Кроме того, анализ преступности в прошлом способствует выявлению определённых закономерностей, причин её возникновения, факторов, способствующих снижению или росту количества преступлений, мотивов преступников и пр., что, безусловно, способно помочь повышать эффективность механизмов борьбы с преступностью и на современном этапе. В связи с этим преступность и связанные с ней явления всё чаще становятся предметом исследования специалистов из разных областей [1; 3; 4; 5; 12; 13].

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Обращение к прошлому способствует выявлению и анализу глубинных причин возникновения и роста такого негативного явления в обществе, как преступность. По этой причине уголовная преступность становится объектом повышенного внимания в рамках общественных наук (неспециального юридического характера): криминологии, социологии, психологии и др. Востребованность названной проблемы продиктована разными факторами, в т. ч. потребностью изучения причин, порождающих преступ-

ность, с целью выработки способов её предупреждения; необходимостью создания эффективного механизма для борьбы с ней; возможностью сохранения и передачи накопленного обществом и государством опыта борьбы с преступностью.

Преступность как социально-историческое явление отражает не только уровень жизни населения страны или конкретного региона в определённый период времени, но и действия государственной власти по обеспечению стабильности в стране. При этом уровень преступности обратно пропорционален уровню и качеству жизни населения. Вопросы изучения уголовной преступности как части социальной сферы российского общества в исторической ретроспективе, выявление факторов изменения её структуры, а также проблемы борьбы с криминалом не только представляют интерес для исторической науки, обогащая и расширяя знания в числе прочего и о процессах, происходивших во всех сферах общественной жизни связанного с изучением преступности периода, но и несут в себе практическую значимость. Изучение эволюции уголовной преступности и механизмов, порождающих её в переходные эпохи, может способствовать лучшему пониманию действительности, а следовательно, и выработке эффективных мер по её предупреждению. Обращение к опыту прошлого по противостоянию государственными органами уголовной преступности позволяет избежать ошибок в организации этого процесса. В связи с этим особенно актуальным становится комплексное изучение преступности, выявление факторов, влияющих на динамику, мотивов, видов и т. п.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМАТИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обращаясь к историографии проблемы, стоит отметить, что комплексный подход к изучению преступности практически не

применялся. При этом преступность в разные исторические периоды становится предметом изучения не только историков, но и юристов, психологов и т. д. Изучение и анализ динамики, особенностей преступности как в целом по России, так и в отдельных регионах привлекали внимание как дореволюционных исследователей, так и советских учёных. Однако в основном исследования посвящены отдельным сюжетам, связанным с этим социальным явлением (например, мотивам, организации борьбы с преступностью, пенитенциарной системе и т. п.). На современном этапе заметна тенденция к изучению преступности и выявлению её особенностей в конкретных регионах. Однако проблема состояния преступности в Ярославской губернии во второй половине XIX века на данный момент остаётся всё ещё малоизученной.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

К факторам, так или иначе оказывающим влияние на социальные аномалии (в т. ч. на преступность), можно отнести географические особенности местности, состав населения, экономические показатели, социальные характеристики, уровень грамотности и пр. Проанализируем эти показатели применительно к изучаемому автором региону. Во второй половине XIX века Ярославская губерния относилась к ряду среднеполосных территорий и соседствовала на северо-востоке с Вологодской, на востоке с Костромской, на юге и юго-востоке с Владимирской, на западе с Тверской, а на северо-западе с Новгородской губерниями. По величине своей площади она занимала 45-е место среди 50 губерний европейской части Российской империи и находилась в числе наименьших, хотя стоит отметить, что по территории превосходила некоторые гос-

ударства Европы, например, Голландию или Бельгию.

Выгодное географическое положение, наличие крупных водных путей (Волга, Шексна, Молога), близость к Москве, а также роль в торговых сообщениях Российской империи способствовали выработке в менталитете ярославского населения таких качеств, как подвижность, хитрость, оборотливость и умение приспосабливаться к различным обстоятельствам, которые были известны далеко за пределами Ярославского края. В административном отношении в рассматриваемый период Ярославская губерния состояла из 10 уездов: Ярославского, Рыбинского, Мологского, Угличского, Мышкинского, Ростовского, Даниловского, Любимского, Пошехонского и объединённого в 1822 году Романово-Борисоглебского. Причём уездными городами считались 11, включая заштатный Петровск.

По данным первой Всеобщей переписи населения 1897 года, в Ярославской губернии постоянного населения числилось 1 072 713 чел. В 1858 году его число было 976 866 чел., а в 1885 году – 1 049 497 человек. Таким образом, за почти 40 лет население увеличилось всего на чуть менее чем 96 тыс. чел., или на 9,7 % (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т.50. Ярославская губерния. – СПб., 1904. – С.3). Причём мужчины из этого числа составляют только 6,5 тыс. чел., или 1,4 %. Одной из причин такого перевеса женской половины губернии может быть особая подвижность населения, выражающаяся в том, что уже с детских лет мужчины выбывали за пределы губернии в значительном количестве в целях поиска заработка: обучения торговой деятельности и для самостоятельного ведения различных предприятий преимущественно торгово-промышленного характера. От-

ходничество в рассматриваемый период было ярко выраженной чертой для Ярославской губернии. В основном мужчины искали заработок в Москве и Санкт-Петербурге. Так, на момент переписи в последнем находилось более 65 тыс. ярославцев, т. е. около 6 % наличного населения Ярославского края (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т.50. Ярославская губерния. – СПб., 1904. – С.4).

По численности населения уезды Ярославской губернии в конце XIX века распределялись от менее населённых к более следующим образом: Любимский (64 472 чел.), Даниловский (68 933 чел.), Романово-Борисоглебский (74 055 чел.), Мышкинский (86 384 чел.), Рыбинский (90 747 чел.), Угличский (94 336 чел.), Пошехонский (114 369 чел.), Мологский (119 190 чел.), Ростовский (149 616 чел.), Ярославский (210 376 чел.) (Население империи по переписи 28-го января 1897 года по уездам // Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 1. – СПб., 1898. – С.17). При этом городское население составляло незначительную часть от общего числа – чуть менее 14 %. Очевидно, что, несмотря на развитую торгово-промышленную деятельность, сельское хозяйство удерживало лидирующие позиции в экономической жизни региона и служило источником пропитания для большинства жителей. Что касается вероисповедания населения, то абсолютное большинство составляли православные – более 98 %. Далее шли старообрядцы (около 1 %), католики, лютеране и иудеи занимали в общем числе менее 1 % (Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т.50. Ярославская губерния. – СПб., 1904. – С.5).

По национальности более 99 % жителей губернии являлись русскими, но также

в незначительном количестве проживали 34 народности, из которых наиболее выделяются поляки, прибалты, немцы и евреи (Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т.50. Ярославская губерния. – СПб., 1904. – С.6–7). Они проживали преимущественно в крупных городах – Ярославле, Рыбинске; кроме того, среди народностей можно выделить цыган, живущих, помимо названных городов, в Романово-Борисоглебске и Данилове, и сицкарей (до 500 семей) в Мологском крае [1, С.18]. Наибольшую массу населения представляют лица сельского состояния, преимущественно крестьяне, а затем городские сословия. Среди последних почти 90 % – мещане. Дворян в губернии насчитывалось менее 1 %, из них более трети – потомственные. На момент переписи населения иностранцев в губернии было зафиксировано только 287 душ, из которых 54 % заняли германцы, а менее половины в общей сложности составили подданные Австро-Венгрии, Швейцарии и Англии. Причём половина из них родились уже на территории Российской империи.

Семейное положение населения характеризовалось тем, что как в общем числе жителей, так и в каждой сословной группе по отдельности наибольшая по относительной величине часть состояла из холостых мужчин и девиц, причём последних всегда меньше. И это тоже являлось характерной особенностью населения Ярославской губернии, так как обычно ситуация была противоположной. Данное же обстоятельство можно рассматривать как косвенное подтверждение отсутствия среди постоянного населения значительной части холостых мужчин, благодаря чему относительная величина остающихся на месте женатых повышалась. Наибольшее количество состоящих в браке наблюдалось среди сельского насе-

ния, что в целом вполне традиционно. Число вдовых значительно ниже, причём вдовцов втрое меньше вдов. Наиболее резко данная ситуация прослеживается среди дворян. Разведённых на 1897 г. зафиксировано в крайне незначительном количестве.

Однако эти характеристики применимы к общему числу населения Ярославской губернии. Если же из него вычесть лиц младше 14 лет, которые не могли вступать в брак, то соотношения для взрослого населения изменятся в сторону преобладания женатых и замужних. Причём доля первых будет в 2 раза превышать долю холостых; замужних женщин в 1,5 раза больше, чем девиц. Из рассмотренных данных можно сделать вывод, что численность не вступивших в брак относительно наивысшая среди наиболее молодой части населения, а с 20-летнего возраста наблюдается резкое понижение, что объясняется вступлением в брак лиц, достигших этого возраста (Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т.50. Ярославская губерния. – СПб., 1904. – С.8–9).

По месту рождения большинство относительно всего числа населения в целом и крестьян (как большей части) в частности состоит из местных уроженцев. Более значительным количеством неместных выделяются лица привилегированного сословия. Из них большинство родились в пределах Европейской России, преимущественно в смежных губерниях и в Привислянском крае (крайние западные губернии Российской империи) – 98,5 %.

Ярославская губерния входила в число губерний, где грамотность населения находилась на весьма высоком уровне. Хотя перепись 1897 г. выявила, что около половины мужского населения было неграмотным, среди женщин этот процент был ещё выше – 76 %. Образование вы-

ше начального было у 2 % мужчин и 1,1 % женщин. Среди мужчин, наиболее распространённых в Ярославском крае народностей (русские, поляки, немцы, евреи) наибольшее число грамотных – евреи, среди женщин лидерство занимают немки. Что касается религиозного влияния, наибольшее число грамотных наблюдается у протестантов, наименьшее – у православных. Высшее образование имели лица дворянского, духовного и городского сословия (купцы, мещане), причём высшее военное – исключительно первые. Среднее образование было распространено в губернии практически равномерно, хотя небольшой перевес здесь наблюдался у духовенства.

Основным занятием населения в рассматриваемый период, несмотря на значительное распространение в губернии торгово-промышленной деятельности, оставалось земледелие (Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т.50. Ярославская губерния. – СПб., 1904. – С.10–11). В целом Ярославская губерния во второй половине XIX века не имела выраженных особенностей, кроме высокой степени отходничества преимущественно мужского населения.

Статистическая информация о преступности в регионе в наиболее детализированном, на наш взгляд, рассмотрении представлена в «Обзорах Ярославской губернии» (далее – Обзор), в разделе «Общественное устройство и благочиние»: «Народная нравственность». С 1880 г. материалы уголовной статистики губернии публиковались также в форме ведомости «О числе и роде преступлений» там же. Так, в качестве примера можно рассмотреть данные за 1876 г. По данным прокурорского надзора, преступлений в указанном году было совершено 531, а осуждено по ним 609 чел. (548 муж.

и 61 жен.).

По сословиям преступники разделились следующим образом: дворяне – 3 потомственных, 9 личных; почётных граждан и купцов – 7; мещан – 70; крестьян – 373; военного сословия – 98 и других – 49. По возрастным группам осуждённые распределились так: младше 17 лет – 21 чел., от 17 до 20 лет – 69 чел., от 21 до 30 лет – 184 чел., от 31 до 40 лет – 167 чел., от 41 до 50 лет – 108 чел., от 51 до 60 лет – 45 чел., старше 60 лет – 15 чел. Число преступников к общему числу жителей губернии составило 1:1645. Среди особо важных преступлений:

- богохуление и порицание веры – 1, осуждено военное лицо;
- святотатство – 2, осуждены купец и крестьянин;
- взломы тюрем, увод и побег находящихся под стражей – 7, осуждено 7 лиц разного сословия;
- нарушение уставов монетных – 1, обвинён 1 крестьянин;
- смертоубийства – 22, обвинены 24 чел., среди которых 1 личный дворянин, 1 купец, 20 крестьян и 2 – военного сословия;
- нанесение увечья и ран – 24, обвинены: 1 потомственный дворянин, 1 мещанин, 22 крестьянина и 2 военных;
- истребление и повреждение чужого имущества поджогом или другим образом – 25, обвинены 23 лица, в т. ч. 1 мещанин, 19 крестьян и 3 – военного сословия;
- разбой – 2, обвинены 2 крестьянина и 2 военных;
- грабежи – 25, осуждены: 2 мещанина, 13 крестьян и 8 из военного сословия;
- кражи – 268, обвинено 305 человек, из которых 2 личных дворянина, почётных граждан и купцов – 4, мещан – 49, крестьян – 170, военного сословия – 69, др. – 11;
- мошенничества – 2, обвинён 1 крестьянин;

- против воинской повинности – 4, обвинены 2 мещанина.

Из числа преданных суду оправданы были 106 муж. и 32 жен. – примерно 23 %. По сравнению с предыдущим, 1875 годом количество преступлений уменьшилось на 70, а преступников на 38 (Обзор Ярославской губернии за 1876 год. Ярославль, 1877. – С.33–34). Как видно из приведённых данных, больше всего среди преступлений краж – их число в несколько раз превышает любую другую категорию и составляет почти половину от общего количества преступлений за год. Интересно отметить, что, несмотря на подавляющее большинство среди преступников представителей крестьянского сословия, в некоторых серьёзных преступлениях, вроде убийств, нанесения увечий и ран, а также всё тех же краж, присутствуют выходцы из привилегированного слоя, в т. ч. потомственные дворяне. Однако современники справедливо отмечали, что «преступления совершаются преимущественно принадлежащими к разряду низших и менее образованных сословий, а это обстоятельство приводит к тому убеждению, что только с распространением в простом народе истинного образования может улучшиться и нравственность народная, а с тем вместе и количество преступлений уменьшится» (Обзор Ярославской губернии за 1876 год. – Ярославль, 1877. – С.34).

В качестве мер противодействия преступности полицией предпринимались: внимательный надзор за сомнительными личностями и явно неблагонадёжными; учреждение ночных караулов и обходов, а в некоторых местностях губернии пикетной стражи на дорогах; арест лиц, находящихся в алкогольном опьянении, беспаспортных, бродяг и дезертиров. Однако отмечалось, что ввиду малочисленного штата полиции этих мер было недоста-

точно для охраны общественного порядка. В 1876 году полиция задержала 268 бродяг и беспаспортных, 30 дезертиров и 6 беглых каторжников из Сибири (Обзор Ярославской губернии за 1876 год. – Ярославль, 1877. – С. 35). Согласно данным за 1878 год беспаспортных чаще всего находили в Рыбинске (426 чел.), Рыбинском уезде (107 чел.) и Ярославле (133 чел.). В других уездах цифры редко превышают 50 человек. В Ростове и Ростовском уезде таковых не обнаружено вовсе. Бродяги зафиксированы в незначительном количестве в Ярославле (4 чел.), Ростове (2 чел.), Рыбинске (6 чел.) и Романово-Борисоглебске (7 чел.) (Обзор Ярославской губернии за 1878 год. – Ярославль, 1879. – С. 44).

Вышеприведенные данные показывают, что наиболее сложная обстановка в связи с нехваткой чинов полиции наблюдалась в Рыбинске и его уезде. Особенно это было заметно в летние месяцы, когда прибывало «значительное количество крючников и прочего чернорабочего люда, которые в Рыбинскую – Петровскую ярмарку, по случаю получения половинных расчётов за свою работу, предаются всевозможному разгулу» (Обзор Ярославской губернии за 1877 год. – Ярославль, 1878. – С. 38). Между тем весь штат нижних чинов городской полиции в это время насчитывал до 10 человек, из которых трое в обязательном порядке должны были находиться на дежурстве при городском полицейском управлении. Наличие для охраны порядка менее 10 служащих полиции, безусловно, было крайне незначительно для такого города, как Рыбинск (Обзор Ярославской губернии за 1877 год. – Ярославль, 1878. – С. 38). Осложняла ситуацию ещё и необходимость наблюдения полицейскими чинами за освобождёнными из тюрем и исправительного отделения, а также поднадзорными по реше-

нию судов, численность которых нередко превышала 150 человек (Обзор Ярославской губернии за 1878 год. – Ярославль, 1879. – С. 45).

Кроме того, в Ярославской губернии наблюдались случаи, связанные с изготовлением, сбытом и распространением фальшивых монет и государственных денежных бумаг. Например, в 1877 году в Рыбинске был установлен факт сбыта купонов; в Пошехонье, где особенно было распространено данное преступное деяние, зафиксировано появление фальшивых кредитных билетов достоинством в 3, 5, 10 и 25 руб., которые были найдены у торговых лиц, занимающихся скупкой и продажей товаров в ближайших и соседних городах и уездах; появление фальшивых кредитных билетов было обнаружено в Романово-Борисоглебске и его уезде, они оказались преимущественно у малограмотных сборщиков податей, заменяющих их сельских старост и у частных лиц, вернувшихся на малую родину с отхожих промыслов.

В Ярославле в указанный год также были отмечены случаи появления фальшивых кредитных билетов, которые привлекли к себе пристальное внимание губернского начальства, которое, в свою очередь, постановило полиции выявить особый бдительный надзор за всеми лицами, заподозренными в умышленном сокрытии и сбыте фальшивых кредитных билетов (Обзор Ярославской губернии за 1877 год. – Ярославль, 1878. – С. 39). Появление фальшивых монет фиксируется реже, однако тоже имело место: в 1878 г. крестьянин деревни Дерягино Покровской волости Угличского уезда был уличён в подделке серебряной монеты, а в Романово-Борисоглебском уезде зафиксировали попытку сбыта фальшивой 10-копеечной монеты (Обзор Ярославской губернии за 1878 год. – Ярославль, 1879. – С. 45).

Таблица 1 – Изменение численных показателей по половозрастной характеристике совершаемых преступлений с 1876 по 1895 г. (данные по Ярославской губернии)

Table 1 – Changes in numerical indicators by gender and age characteristics of crimes committed from 1876 to 1895 (data for Yaroslavl province)¹

Год	Общее число преступлений	Число преступлений, совершенных лицами мужского пола	Число преступлений, совершенных лицами женского пола
1876	531	548	61
1877	558	517	68
1878	591	546	74
1879	613	559	78
1880	618	558	80
1881	492	516	63
1882	438	480	57
1883	368	444	51
1884	6057	5143	733
1885	7318	5656	938
1886	9315	7359	1120
1887	10 050	6814	1081
1888	9767	6866	900
1889	10 768	6982	1127
1890	11 780	8272	1186
1891	9854	7583	1423
1892	8938	7785	1379
1893	8799	8546	1507
1894	8546	7210	1528
1895	7924	6398	1141

¹ В целях анализа числа и динамики преступлений была составлена таблица и графики с данными за 20 лет – с 1876 по 1895 год (сост. по: Обзор Ярославской губернии за 1876 год. Ярославль, 1877. С.33; Обзор Ярославской губернии за 1877 год. Ярославль, 1878. С.35; Обзор Ярославской губернии за 1878 год. Ярославль, 1879. С.42; Обзор Ярославской губернии за 1879 год. Ярославль, 1880. С.33; Обзор Ярославской губернии за 1880 год. Ярославль, 1881. С.20; Обзор Ярославской губернии за 1881 год. Ярославль, 1882. С.21; Обзор Ярославской губернии за 1882 год. Ярославль, 1883. С.15; Обзор Ярославской губернии за 1883 год. Ярославль, 1884. С.16; Обзор Ярославской губернии за 1884 год. Ярославль, 1885. С.16; Обзор Ярославской губернии за 1885 год. Ярославль, 1886. С.18; Обзор Ярославской губернии за 1886 год. Ярославль, 1887. С.20; Обзор Ярославской губернии за 1887 год. Ярославль, 1888. С.29; Обзор Ярославской губернии за 1888 год. Ярославль, 1889. С.33; Обзор Ярославской губернии за 1889 год. Ярославль, 1890. С.21; Обзор Ярославской губернии за 1890 год. Ярославль, 1891. С.18; Обзор Ярославской губернии за 1891 год. Ярославль, 1892. С.25; Обзор Ярославской губернии за 1892 год. Ярославль, 1893. С.21; Обзор Ярославской губернии за 1893 год. Ярославль, 1894. С.20; Обзор Ярославской губернии за 1894 год. Ярославль, 1895. С.21; Обзор Ярославской губернии за 1895 год. Ярославль, 1896. С.24).

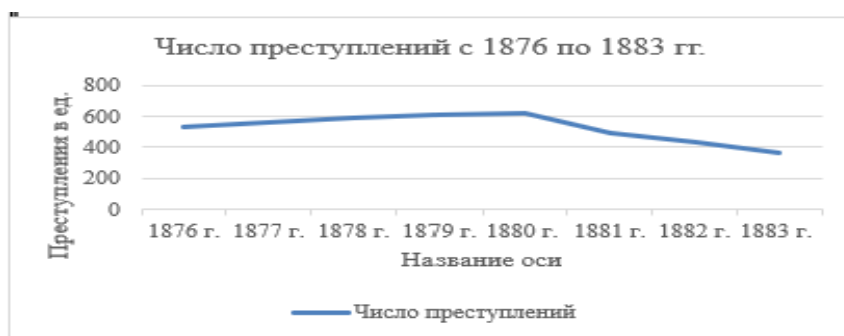

Рисунок 1 – Динамика преступлений, совершённых в Ярославской губернии в период с 1876 по 1883 г.

Figure 1 – Dynamics of crimes committed in the Yaroslavl province in the period from 1876 to 1883.

Рисунок 2 – Динамика преступлений, совершённых в Ярославской губернии в период с 1884 по 1895 г.

Figure 2 – Dynamics of crimes committed in the Yaroslavl province in the period from 1884 to 1895.

Стоит отметить, что выявленные цифры не дают основания говорить о перманентном возрастании числа преступлений в указанный период, поскольку наблюдается как рост, так и спад количества преступных деяний. Поскольку в Обзорах начиная с 1884 года число преступлений стало публиковаться с учётом данных мировых судов губернии, мы сочли необходимым разделить данные на два графика: с 1876 по 1883 года и с 1884 по 1895 г. Таким образом, за первый период наблюдался плавный рост преступ-

ности (примерно 3–5 % в год) до 1880 г., а затем начался резкий спад.

Минимальное количество преступлений было зафиксировано в 1883 году – 368. Далее преступность в губернии растёт и достигает пика в 1890 году, затем снова наблюдается тенденция к снижению. По соотношению гендерной окраски преступления в Ярославской губернии, так же, как и в Российской империи в целом, характеризуются перевесом в пользу мужского населения. Доля уча-

ствия женщин составляет в среднем 15–20 %.

Что касается распределения преступлений по возрастам, то, по данным дел, разбиравшихся за 1896 год в Ярославской губернии, малолетними (до 17 лет) были совершены:

- святотатство, разрытие могил и ограбление мёртвых тел – 1;
- нарушение против общественного спокойствия, порядка – 1;
- оскорбление чести и целомудрия женщин, личные обиды и клевета – 1;
- кражи – 7, причём две из них совершены девочками (Ведомость о числе и роде преступлений // Обзор Ярославской губернии за 1878 год. – Ярославль, 1879).

Всего 11 преступлений. Из общего числа (404 преступления) это составляет меньше 3 %. В учреждениях, замещающих с 1889 г. мировые суды (земские начальники, городские судьи, уездные члены окружных судов), из 7095 преступлений рассматриваемой возрастной группой не было совершено ни

одного. Большинство же преступных деяний совершалось мужчинами в возрасте 21–30 лет (183) и 31–40 лет (102). В указанный год зафиксировано 16 преступников, чей возраст превышал 60 лет.

По национальности, например, в 1888 г. преступники в Ярославской губернии распределились следующим образом: 526 русских, 2 поляка, 2 немца, 6 евреев, 1 татарин, 1 мордвин, 2 финляндца, 4 представителя других национальностей и 4 неизвестно (Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1888 году в судебных учреждениях, действующих на основании указов императора Александра II. В 3-х ч. – СПб., 1892. Ч. 2. – С.136).

Рассмотрим распределение преступлений по месяцам (сост. по: Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1896 году в судебных учреждениях, действующих на основании указов императора Александра II. В 3-х ч. – СПб., 1900. Ч. 2. – С.78).

Таблица 2 – Распределение совершения преступных деяний в Ярославской губернии по месяцам в 1896 году, по данным Ярославского окружного суда

Table 2 – Distribution of criminal acts in the Yaroslavl province by month in 1896 according to the Yaroslavl District Court

Месяц	Мужчины	Женщины	Всего
Январь	45	13	58
Февраль	36	6	42
Март	40	5	45
Апрель	36	6	42
Май	36	9	45
Июнь	51	11	62
Июль	56	4	60
Август	45	13	58
Сентябрь	81	6	87
Октябрь	46	7	53
Ноябрь	52	8	60
Декабрь	51	11	62

Согласно составленной нами таблице, по данным Ярославского окружного суда, наибольшее количество преступлений за 1896 год зафиксировано в сентябре (87),

июне (62) и декабре (62); наименьшее – в период с февраля по май (42–45). В 1888 году Ярославский и Рыбинский окружные суды суммарно фиксировали мак-

симум в июле (64), ноябре (50) и октябре (49); минимум – в марте (30), январе (32) и апреле (32) (Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в 1888 году в судебных учреждениях, действующих на основании указов императора Александра II. В 3-х ч. – СПб., 1892. Ч. 2. – С.142). Таким образом, ярко выраженной связи совершения преступных деяний с временем года и конкретными месяцами выявить не удалось.

По оценкам Б.Н. Миронова, вторая половина XIX века характеризуется непрерывным ростом преступлений «с одной остановкой в 1890-х гг.» [6, С.84]. По мнению исследователя, преступность на протяжении всего XIX века и начала XX столетия не возрастала линейно: «она возрастала в либеральное царствование Александра I, уменьшалась при консервативном правлении Николая I, затем вновь, весьма значительно – в 2,7 раза, возросла в реформаторскую эпоху Александра II, затем уменьшилась при консервативном царствовании Александра III и вновь выросла на 55 % при противоречивом и неустойчивом правительственном курсе Николая II» [6, С.84]. Б.Н. Миронов считал, что динамика преступности в рассматриваемый период имела явно циклический характер, который напрямую был связан с консервативной или либеральной окраской проводимой конкретным императором внутренней политики, и по существу показал прямую зависимость количества преступлений от характеристики типа правления: либеральный – преступность растёт, консервативный – падает.

С.С. Остроумов отмечал ежегодное увеличение числа преступлений, указывая, что наибольший удельный вес среди них применительно к территории Российской империи в общих судах составляли: против собственности частных лиц – 35,45 %; против имущества и доходов казны (главным образом, хищение казённого леса) – 30,30 %; против благоустройства и благочиния (буйство, драки, брань, пьянство и пр.) – 12,05 %; против лич-

ности – 10,91 %; против порядка управления и суда (фальшивомонетчество, лжеприсяга, оскорбление полиции, неуплата налогов и сборов и пр.) – 5,05 % [9, С.27]. Данные категории составляли 90 % от общего числа преступлений, причём 66 %, или 2/3, из них являлись имущественными преступными деяниями, что может указывать на тяжёлое материальное положение непривилегированных сословий в рассматриваемый период. В мировых судах картина была следующая: с 1866 по 1871 год привлекались за хищение и повреждение леса – 22,21 %; за кражи, мошенничество и обман – 16,43 %; за самовольное пользование чужим имуществом и повреждение оно – 5,37 %, за нарушение устава о паспортах – 6,19 % [7, С.19–20].

Наибольшее число осуждённых за преступления против собственности наблюдалось в большинстве губерний Центрального промышленного региона страны: в Московской, Ярославской, Владимирской, Смоленской и Тульской губерниях. Е.И. Олейникова в своей статье приводит любопытные вычисления: из 10 губерний Европейской России (Вологодская, Воронежская, Гродненская, Киевская, Московская, Новгородская, Пермская, Санкт-Петербургская, Симбирская и Ярославская) по числу осуждённых за преступления против личности Ярославская губерния занимает 2-е место в числе регионов, где с 1896 по 1912 год данный вид преступности имел тенденцию к снижению. По преступлениям против собственности наибольшее увеличение по сравнению с 1896 г. произошло (по убыванию) в Вологодской, Пермской, Воронежской, Симбирской и Санкт-Петербургской губерниях (2 и более раз). Далее идут Новгородская (1,9 раза), Киевская (1,6 раза), Московская (1,5 раза) и Ярославская губернии (1,3 раза). В последней после 1896 г. наблюдается снижение количества данного вида преступлений, однако к 1908–1910 гг. заметно возрастание. В целом же наибольшее относительное число осуждённых за имущественные преступления приходится на Санкт-Петербургскую губернию, затем на Москов-

скую, далее на Ярославскую, Новгородскую, Пермскую и Киевскую [8, С.171–203].

При анализе динамики преступности и определении её объёма закономерен вопрос о единицах её измерения, которыми могут выступать как число уголовных дел или зафиксированных преступных деяний, так и лица, выявленные в их совершении (осуждённые, обвиняемые). Так, В.И. Срезневский в качестве наиболее чёткого показателя для характеристики преступности населения рассматривал число преступлений, совершённых одним лицом: «Важно деяние, причём безразлично, удалось ли судебной власти обнаружить лицо, виновное в совершении сего злодеяния, или нет: факт злодеяния существует, а, следовательно, существует и лицо, быть может и необнаруженное» [10, С.22]. Также он отмечал, что только в Германии и Швеции существовал правильный учёт уголовных преступлений, который отсутствовал в большинстве других стран, в т. ч. в России. Идеи В.И. Срезневского были созвучны положениям профессора статистики Петербургского университета Л.В. Ходского: «При совокупности преступлений, совершённых одним лицом, например, 4 воровства – в Австрии, Бельгии, Франции, Венгрии и России – принимают во внимание только преступника и регистрируют одно преступление; в Германии и Швеции – 4 воровства, т. е. 4 преступления» [15, С.161]. Е.Н. Тарновский считал, что «предпочтительнее брать число ежегодно возникающих уголовных дел, так как оно более соответствует числу ежегодно совершаемых преступлений, чем число осуждённых» [11, С.77–78]. В другом труде тем же автором отмечалось, что в целях измерения преступности лучше использовать число возникших дел, чем количество осуждённых и подсудимых, т. к. первое относится к определённому отчётному году и не зависит от воздействия посторонних, не относящихся к условиям «народной жизни причин», таким как строгость или снисходительность судебной власти, «всемилоостивейшие манифесты» и пр. [12, С.120].

Пик преступных деяний приходится на

1891–1892 гг. и продолжает держаться на примерно таком же уровне в 1893–1894 гг. при сохранении низких цен на хлеб. Стоит отметить, что вычисленные нами данные по Ярославской губернии не совпадают с приведёнными выше показателями. Так, в 1880–1881 гг. в регионе не было выявлено увеличения числа преступлений, а в 1881 году отметился даже спад. В 1885–1890 гг., когда Е.Н. Тарновским был отмечен спад преступности, в Ярославской губернии, наоборот, цифры возрастали. Единственное совпадение – минимум также фиксируется в 1888 году; в 1890 г. преступность в регионе возрастает, и данный год является пиком роста преступлений. В 1891–1894 гг. в противовес выявленной Е.Н. Тарновским тенденции в Ярославской губернии фиксируется спад преступности.

Исходя из этого, отметим, что сделанные исследователем выводы носят усреднённый характер и не отражают положения дел в конкретной губернии. По нашему мнению, несмотря на несовпадение показателей в регионе с общероссийской тенденцией, всё же возможно проследить некую взаимосвязь уровня преступности и показателей урожайности и стоимости хлеба. Так, в 1890 г., как уже было отмечено выше, был достигнут максимальный уровень преступности в регионе за вторую половину XIX века. Данные за предыдущий ему 1889 г. позволяют выявить как одну из возможных причин взлёта числа преступных деяний неудовлетворительную урожайность зерновых. По заявлению Пошехонского уездного земства, 1889 г. был одним из самых тяжёлых в хозяйственном отношении для населения этого уезда, занимающегося преимущественно земледелием: «Такого плохого урожая озимых хлебов, какой оказался в отчётном году, в Пошехонском уезде не запомнят местные старожилы, и последствия неурожая тем более тягостны, что 1888 год был тоже неурожайный, истощивший все продовольственные запасы» (Обзор Ярославской губернии за 1889 год. – Ярославль, 1890. – С.3).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Комплексный анализ источников позволил выявить ряд региональных особенностей исследуемого предмета. Динамика преступности в Ярославской губернии во второй половине XIX века не имеет резких скачков, и линия, отражающая количество преступлений на протяжении 20 лет, фиксирует как взлёты, так и спады. В целом для Ярославской губернии были характерны процессы, происходившие на общероссийском уровне. Однако анализ статистических источников показал, что динамика преступлений во второй половине XIX века в данном регионе не может оцениваться как исключительно возрастающая, поскольку заметны как ее подъёмы, так и спады. Как и в целом по Российской империи, большинство преступных деяний совершено мужчинами среднего возраста, русскими по национальности. Лидирующим видом преступления на протяжении всего изучаемого периода являлись кражи. Основным мотивом совершения указанных преступных деяний, на наш взгляд, является желание улучшить своё материальное положение, что подтверждается исследовательской литературой и обнаруженной связью урожайности и уровня преступности в регионе.

Библиография / References:

1. Акользина, М. К. Преступность в среде купечества провинциальных городов Тамбовской губернии в первой половине XIX века / М.К. Акользина // Манускрипт. – 2019. – Т. 12, № 1. – С. 15–18. – DOI 10.30853/manuscript.2019.1.2. – EDN VSBSRY.
2. Беседкин, П. Ф. Обзор Ярославской губернии / П.Ф. Беседкин. – Ярославль: Типография Губернского правления, 1892. – 68 с.
3. Бражников, Д. А. Криминологические исследования преступности несовершеннолетних в Российской империи XIX – начала XX века / Д. А. Бражников, В.И. Шиян // Об-

щество и право. – 2017. – № 3 (61). – С. 86–89. – EDN ZGURWT.

4. Жеребчиков, Д. П. Имущественные преступления в провинциальном городском социуме Тамбовской губернии во второй половине XIX века / Д.П. Жеребчиков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 4 (68). – С. 56–60. – EDN WHSOOT.

5. Кузнецов В. В. Состояние преступности в Воронежской губернии в 1900–1915 гг. // Вестник Воронежского института МВД России. – 2018. – № 2. – С. 171–179. – EDN RTPLCP.

6. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства / Б. Н. Миронов. Том 1. – 2-е издание, исправленное. – Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000. – 548 с. – ISBN 5-86007-257-0. – EDN VZRCLD.

7. Новаковский, В. А. Опыт подведения итогов уголовной статистики с 1861 до 1871 год: Сост. по имеющимся офиц. данным / В.А. Новаковский. – Санкт-Петербург: Типография В.В. Комарова, 1891. – 63 с.

8. Олейникова, Е. И. Динамика преступности в губерниях Европейской России в 1896–1912 гг. по региональным данным о количестве осужденных: статистический и геоинформационный анализ / Е.И. Олейникова // Историческая информатика. – 2021. – № 2 (36). – С. 171–203. – DOI 10.7256/2585-7797.2021.2.36025. – EDN RTVPWR.

9. Остроумов, С. С. Преступность и её причины в дореволюционной России / С.С. Остроумов. – Москва: Издательство МГУ, 1980. – 204 с.

10. Срезневский, В. И. Новые сведения о преступности Германии / В.И. Срезневский // Журнал министерства юстиции. – 1897. – № 3. – С. 19–40.

11. Тарновский, Е. Н. Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступлений против собственности в России / Е.Н. Тар-

- новский // Журнал министерства юстиции. – 1898. – № 8. – С. 73–106.
12. Тарновский, Е. Н. Движение преступности в Европейской России за 1874–1894 г. / Е.Н. Тарновский // Журнал министерства юстиции. – 1899. – № 3. – С. 112–138.
13. Харсеева, О. В. Влияние революционных событий начала XX века на уровень преступности населения Центрально-Черноземной России / О. В. Харсеева // Innova. – 2017. – № 2 (7). – С. 39–44. – EDN XYJPKH.
14. Харсеева, О. В. Преступность мещан в губерниях Центрально-Черноземной России во второй половине XIX – начале XX в. / О.В. Харсеева // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2017. – № 2. – С. 141–154. – EDN ZRUJFN.
15. Ходский, Л. В. Основы теории и техники статистики / Л.В. Ходский. – Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1896. – 207 с.
1. Akol'zina, M. K. Prestupnost' v srede kupechestva provintsial'nykh gorodov Tambovskoy gubernii v pervoy polovine XIX veka / M.K. Akol'zina // Manuscript. – 2019. – T.12, №1. – S.15–18. – DOI 10.30853/manuscript.2019.1.2. – EDN VSBSRY. (In Russ.).
2. Besedkin, P. F. Obzor Yaroslavskoy gubernii / P.F. Besedkin. – Yaroslavl: Tipografiya Gubernskogo pravleniya, 1892. – 68s. (In Russ.).
3. Brazhnikov, D. A. Kriminologicheskiye issledovaniya prestupnosti nesovershennoletnikh v Rossiyskoy imperii XIX – nachala KHKH veka / D.A. Brazhnikov, V.I. Shiyani // Obshchestvo i pravo. – 2017. – №3(61). – S.86–89. – EDN ZGURWT. (In Russ.).
4. Zherebchikov, D. P. Imushchestvennyye prestupleniya v provintsial'nom gorodskom sotsiume Tambovskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX veka / D.P. Zherebchikov // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – №4(68). – S.56–60. – EDN WHSOOT. (In Russ.).
5. Kuznetsov V. V. Sostoyaniye prestupnosti v Voronezhskoy gubernii v 1900–1915 gg. // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2018. – № 2. – S. 171–179. – EDN RTPLCP. (In Russ.).
6. Mironov, B. N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda Imperii (XVIII-nachalo KHKH v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoy sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva / B. N. Mironov. Tom 1. – 2-ye izdaniye, ispravlennoye. – Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin, 2000. – 548 s. – ISBN 5-86007-257-0. – EDN VZRCLD. (In Russ.).
7. Novakovskiy, V. A. Opyt podvedeniya itogov ugovnoy statistiki s 1861 do 1871 goda: Sost. po imeyushchimsya ofits. Dannym / V. A. Novakovskiy. – Sankt-Peterburg: Tipografiya V. V. Komarova, 1891. – 63 s. (In Russ.).
8. Oleynikova, Ye. I. Dinamika prestupnosti v guberniyakh Yevropeyskoy Rossii v 1896–1912gg. po regional'nym dannym o kolichestve osuzhdennykh: statisticheskiy i geoinformatsionnyy analiz / Ye.I. Oleynikova // Istoriicheskaya informatika. – 2021. – № 2(36). – S. 171–203. – DOI 10.7256/2585-7797.2021.2.36025. – EDN RTVPWR. (In Russ.).
9. Ostroumov, S. S. Prestupnost' i yeyo prichiny v dorevolutsionnoy Rossii / S.S. Ostroumov. – Moskva: Izd-vo MGU, 1980. – 204 s. (In Russ.).
10. Sreznevskiy, V. I. Novyye svedeniya o prestupnosti Germanii / V.I. Sreznevskiy // Zhurnal ministerstva yustitsii. – 1897. – № 3. – S. 19–40. (In Russ.).
11. Tamovskiy, Ye. N. Vliyaniye khlebynykh tsen i urozhayev na dvizheniye prestupleniy protiv sobstvennosti v Rossii / Ye.N. Tamovskiy // Zhurnal ministerstva yustitsii. – 1898. – №8. – S.73–106. (In Russ.).
12. Tamovskiy, Ye. N. Dvizheniye prestupnosti v Yevropeyskoy Rossii za 1874–1894gg. / Ye.N. Tamovskiy // Zhurnal ministerstva yustitsii. – 1899. – №3. – S.112–138. (In Russ.).

13. Kharseyeva, O. V. Vliyaniye revolyutsionnykh sobytiy nachala KHKH veka na uroven' prestupnosti naseleniya Tsentral'no-Chernozemnoy Rossii / O.V. Kharseyeva // Innova. – 2017. – № 2(7). – S. 39–44. – EDN XYJPKH. (In Russ.).

14. Kharseyeva, O. V. Prestupnost' meshchan v guberniyakh Tsentral'no-Chernozemnoy Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale KHKH vv. / O.V. Kharseyeva // Istoriko-pravovyye problemy: novyy rakurs. – 2017. – № 2. – S. 141–154. – EDN ZRUJFN. (In Russ.).

15. Khodskiy, L. V. Osnovy teorii i tekhniki statistiki / L.V. Khodskiy. – Sankt-Peterburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1896. – 207 s. (In Russ.).

Информация об авторе:

ПОПОВА Алина Владимировна, ассистент, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, адрес: 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14, e-mail: wwaaww1@rambler.ru, SPIN-код: 4745-6376, ORCID 0009-0002-6475-0161

Author:

POPOVA A.V., Assistant, P.G. Demidov Yaroslavl State University (Russian Federation, Yaroslavl), e-mail: wwaaww1@rambler.ru, SPIN-код: 4745-6376, ORCID 0009-0002-6475-0161

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила в редакцию (Received) 17.11.2023.

Поступила после рецензирования (Revised) 22.01.2023.

Принята к публикации (Accepted) 18.03.2024.